

Отечественные записки

Выпуск журнала № 2 (59) 2014

Бросить сигарету

Кирилл Мартынов

Классический фильм Фрица Ланга «М» (1931) стал каноном жанра полицейского триллера о поисках маньяка-убийцы. Для современного зрителя эта лента может оказаться интересной не только из-за блестящей игры актера Петера Лорре или новаторской работы режиссера. «М» снимался в Веймарской Германии, не стесненной ни протестантским целомудрием тогдашнего Голливуда, ни будущей борьбой Гитлера за нравственность нации и здоровый образ жизни. Поэтому герои в «М» не просто курят, а курят очень много. Несколько ключевых сцен фильма проходят в сплошных клубах табачного дыма.

Курение табака в социальном пространстве фильма Ланга — дело преимущественно мужское, тесно связанное с мыслительным процессом и коммуникацией, одновременно эгалитарное и глубоко индивидуальное. Такое положение вещей утверждается за счет двух пересекающихся сцен, совещания полицейских и совещания лидеров преступного мира. И те и другие заняты поиском маньяка, убивающего детей. Полицейских критикуют за неспособность поймать убийцу, а преступникам такая нервная обстановка не дает работать. Два мужских сообщества одновременно садятся за столы на манер участников Тайной вечери, чтобы выработать план действий. Авторитетные преступники вместе со своими подручными, как и полицейское начальство и их детективы, — все они курят.

Это своего рода табачная демократия. Тяга дыма в легкие становится основанием для той паузы, которая требуется, чтобы обдумать следующую фразу и сказать ее со значением. Индивидуальность подчеркивается за счет нестандартизированного разнообразия способов курения табака. Здесь представлены тонкие изогнутые курительные трубки, короткие прямые трубки, жирные сигары-торпеды, классические сигары, сигариллы, самокрутки. Не курит в этой истории только один маньяк. Его можно понять: он человек большой идеи, лишенный наших обыкновенных слабостей.

Эта история — повод задаться двумя вопросами о курении, которые обсуждаются сегодня реже других. Во-первых, как получилось, что все многообразие практик, связанных с курением табака, было сведено к курению сигарет? Во-вторых, почему дискуссия о курении была редуцирована к высказываниям медиков, а все прочие аспекты вопроса — социальные, культурные, политические и даже экономические — были маргинализированы и оставлены без внимания?

Отсутствие двух этих вопросов в разговоре о курении указывает на то, что он изначально был построен вокруг ошибочных предпосылок. Разговор предполагал, что все курильщики — это непременно наркоманы, нуждающиеся в лечении, жертвы табачного капитализма, которые, к тому же, готовы безответственно принести в жертву своей пагубной страсти общественные интересы. Курение из романтической привычки середины XX века, символизирующей благодаря усилиям коммерческого кинематографа и рекламы мужественность и успех, в современном мире превращается в табуированную практику. Курить сегодня — значит не только повышать риски хронических заболеваний, но и испытывать постоянное чувство вины.

За последние десять лет разразилось множество скандалов, связанных с цензурой курения в произведениях искусства или объектах культуры. Иногда они принимают совсем уж абсурдные черты. Как, например, ретушь фотографии Сартра с сигаретой во Французской национальной библиотеке в 2005 году. Саркастический заголовок английской прессы на этот счет: «Ад — это другие, которые убирают твою сигарету»^[1]. Удивительно, что курительные трубки Бильбо и Гэндальфа не

заменили на что-нибудь более политкорректное в последней голливудской экранизации Толкина. Да и воспоминания о курящих отцах и дедах из детства, очень сильные и крепкие, современная наука еще не научилась ретушировать.

Политики вынуждены каяться в грехах молодости и публично отказываться от курения. Отказ от курения объединил, например, Фиделя Кастро и Барака Обаму. Кастро, который, как и Че Гевара в героическую эпоху кубинской революции, редко обходился без сигары, позируя фотографам, и под вкусы которого даже была создана правительственная марка сигар Cohiba, заявил о своем прощании с табаком еще в 1985 году. В 2013 году журналисты подслушали шутку Обамы в разговоре с чиновником из ООН: «Не курю уже шесть лет, потому что очень жену боюсь»^[2].

Изменение отношения общества к курению — пример самой радикальной трансформации социальной нормы за последние 100 лет наряду, пожалуй, с новейшими метаморфозами института семьи. Сведение вопроса к вреду для здоровья как в практическом, так и в теоретическом плане демонстрирует интеллектуальную лень курильщиков, не сумевших побороться за язык описания проблемы и предложить какие-то альтернативы и уточнения. И это при том, что в культуре последних двух веков процесс мышления демонстрировался в тесной связи с курением табака. Трубки, например, курили Герберт Гувер, Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн. А Зигмунд Фрейд и Уинстон Черчилль не выпускали сигару изо рта. Современные исследования показывают, что, возможно, действительно существует положительная связь между курением и активностью взрослого мозга^[3].

Проблема курения в первом приближении распадается на три составляющие. Во-первых, это медицинские последствия в узком смысле слова и ее экономические последствия. Медицину предоставим обсуждать медикам, а вопрос о том, кто должен платить за риски курильщиков (государство или сами курильщики) представляется интересным, но ничем, кажется, не отличается от вопроса о том, например, кто должен платить за риски любителей жирной жареной

пищи. Во-вторых, это логика патернализма, диктующая государству заботиться о курильщиках, контролировать их поведение и заставлять отказаться от вредной привычки за счет высоких цен на легальный табак и запретов на курение в публичных местах вроде транспорта и больниц. Эта сторона политической борьбы вокруг курения выглядит, пожалуй, наиболее опасной. Она демонстрирует, что общество готово легко соглашаться с любыми претензиями государства на вмешательство в частную жизнь. Наконец, третья составляющая касается разграничения прав некурящего большинства и курильщиков в социальном пространстве.

Унификация модели курения и медикализация социальной проблемы непосредственно связаны друг с другом. Курение как социальная и отчасти как медицинская проблема является следствием повсеместного распространения сигарет. Сигареты дешевы, легкодоступны, пригодны к употреблению повсеместно и в любое время. Сигареты не требуют усилий, курильщик сигареты не тратит время на изготовление очередной порции своего наркотика. Благодаря частым перекурам курильщик сигарет получает более высокую постоянную дозу никотина в организме и быструю психофизиологическую зависимость от сигарет. Во второй половине XX века сигареты становятся всеобщим социальным медиумом. Курить начинают мужчины и женщины, круглосуточно, в частной жизни и на публике.

Сигарета — продукт всеобщего помешательства на эффективности (максимум никотина в минимум времени). Сигарета курится несвободными людьми. На ходу, во время минутного перекура, без всякого удовольствия. Табак, в общем-то, может быть интересным гастрономическим опытом, не хуже вина или сыров, если, конечно, вы не курите сигареты.

Сигарета, став удовольствием индустриального мира, радостью синего воротничка, вечно спешащего, вечно находящегося под угрозой увольнения, оказалась инструментом дисциплинарного воздействия. Курильщику доиндустриальной эпохи не могли угрожать запретить перекуры или сократить их число до минимума. Тот, кто привык к сигарете, легко привыкнет затем к тому, что государство потребует отчета о состоянии его здоровья и возьмет этот вопрос под свой контроль. Здесь перед нами характерная ошибка: мы смотрим на современный формат политических отношений между государством,

курильщиками и промышленниками и предполагаем, что этот формат существовал всегда.

Курение становится все более распространенным явлением, потому что теперь больше не связано с жизнью праздного класса или с суровым солдатским бытом. Курение становится социальной проблемой именно из-за наступления эры сигареты, и именно это провоцирует рост медицинских исследований о вреде курения. Медицинские аргументы становятся инструментом государства-опекуна, претендующего на тотальную заботу о своих гражданах не как о юридических субъектах, но телах, нуждающихся в нормализации (разумеется, в полном соответствии с общим распространением биополитики в современном мире).

Иными словами, проблему представляет собой не столько курение табака как таковое, сколько индустриальное, массовое производство и потребление табака в виде сигарет. Курение не является просто объективным биохимическим процессом вдыхания табачного дыма в легкие. Оно связано с целым рядом культурных и исторических факторов, которые полностью игнорируются в сегодняшней дискуссии о законодательном запрете курения табака.

Культурная, а не чисто медицинская критика исходила бы из того, что существуют различные виды курения табака. К примеру, если вы курите одну кубинскую сигару в неделю, можно ли вас назвать курильщиком и наркоманом? Каков культурный и экономический статус бывшего калифорнийского IT-специалиста Грегори Пиза (Gregory Pease), который подорвал здоровье в ходе интенсивной работы по основной специальности, а потом в качестве курса реабилитации открыл частную лабораторию по смешиванию трубочных табаков? Как вы должны относиться к запрету на курение, если вы коллекционер хьюмидоров?

Сколько бы ни стоил табак, он в любом случае вреден для здоровья. Но мера вреда, вероятно, тоже может быть разной. Подводить всех под норму сигареты — значит просто уничтожать культуру. Отчего-то в случае борьбы с алкоголизмом и защиты виноделия как ремесла и искусства об этом напоминать специально не нужно.

Исторически существовало две традиции курения табака. В более влажном и теплом климате Центральной и Южной Америки индейцы курили сигары, которые в сущности представляют из себя просто скрученные табачные листья. В сухой и холодной Северной Америке табачные листья высыхают, поэтому местные жители измельчали табак и курили его в каменных трубках. Европейцы из-за тех же климатических особенностей однозначно отождествили процесс курения и курительную трубку.

Сигареты появляются в XVIII веке на бедных окраинах Европы, в первую очередь в Испании. Сигареты конкретных марок мы видим на картинах Гойи. Они становятся популярными в революционной Франции. Мода на сигареты приходит в англоязычный мир после Крымской войны, когда британские солдаты начали копировать привычку русских и турецких солдат заворачивать табак в старые газеты из-за отсутствия хороших табачных листов, пригодных для скрутки.

В 1880 году сигарета получила финальное преимущество благодаря изобретению американца Джеймаса Альберта Бонсака, создавшего

первую машину по скручиванию сигарет. Машину Бонсака можно сопоставить с печатным прессом по тому гигантскому эффекту, который она оказала на рост индустрии. Табачные компании в течение 1880-х годов перешли от производства 40 тысяч к 4 миллионам сигарет в день.

Параллельно возник феномен египетской табачной промышленности, аномальной индустриализации за пределами традиционных центров мировой капиталистической экономики. Единственным артефактом этого явления в современном мире остается марка сигарет Camel — одна из многочисленных имитаций оригинальных египетских брендов. Низкое качество египетского табака после изобретения машины для скрутки перестало быть решающим фактором, и на оккупированной британцами территории Османской империи греческие промышленники развернули множество табачных фабрик. В рассказе Конан Дойля «Пенсне в золотой оправе» (1904) от лица ценителя упоминаются особые египетские сигареты. Самой популярной маркой сигарет в мире до Первой мировой войны и возникновения моды на американский табак «Вирджиния» были египетские Kyriazi Freres.

Борьба с курением начинается в тот момент, когда европейцы привезли табак из Америки, то есть значительно раньше, чем борьба с большинством других наркотических веществ. Очевидно, это связано с тем, что курящего человека невозможно проигнорировать, в отношении него просто необходимо выработать некоторую культурную политику.

Изначально запреты на табак были связаны не с медицинскими причинами, но с религиозными соображениями или борьбой против распущенности. Пионером выступила католическая церковь, которая в 1575 году запретила курение на территории своих храмов в Мексике. Речь шла о конкуренции за паству с язычеством, для которого курение было ритуальным. Папа Урбан VIII в 1624 году нашел чихание курильщиков подозрительно напоминающим сексуальное возбуждение и запретил курить всем католикам, а тем, кто курит или нюхает табак в святых местах, пригрозил отлучением от церкви. Через сто лет папа Бенедикт XIII, сам заядлый курильщик, отменил запрет, а

в 1779 году Ватикан даже открыл собственную табачную фабрику. В Османской империи в XVII веке тоже были попытки запретить курение, но скоро табак становится типичной формой досуга местной элиты. Османский историк Ибрахим Эфенди Печеви (1572—1650) назвал табак «одной из четырех подушек на диване удовольствия» — наряду с вином, опиумом и кофе.

Российская история ранних попыток запрещать табак довольно известна. При царе Михаиле Федоровиче в 1634 году русским курильщикам обещали публичную порку, вырывание ноздрей или ссылку в Сибирь. В 1674 году, уже при Алексее Михайловиче, для курильщиков даже ввели смертную казнь. А легализация и популяризация табака как европейской привычки, естественно, была связана с личностью Петра. Вообще табак довольно часто становился символом вестернизации. В конце XIX века иранский шах при поддержке части духовенства пытался запретить употребление табака для шиитов, что привело к табачному восстанию 1891 года.

Самым яростным критиком табака в новейшей истории был Адольф Гитлер, который в присущей ему манере заявил, что табак — это «гнев красного человека, обращенный на белых, месть индейцев за алкоголь»^[4]. Нацисты порицают курение как с медицинских и научных позиций (они первыми получили достоверные данные о связи рака легких и курения), так и с точки зрения борьбы за моральное состояние нации. Причем две эти линии критики для них прямо связаны: разрушать здоровье нации — значит совершать аморальный поступок. В Третьем рейхе проводилась одна из самых жестких для XX века антитабачных кампаний, которая в 1933—1945 годах включала в себя высокие акцизы, запрет на рекламу табака и курение в публичных местах, а также — в отличие от нынешних либеральных программ — отдельное ограничение на продажу табака женщинам. После Нюрнбергского трибунала борьба с курением в Германии на время сошла на нет, и к середине 1950-х годов внутреннее потребление сигарет в ФРГ превысило довоенный уровень.

Современная постановка вопроса о запрете на курение формировалась в ситуации, когда табачная индустрия активно финансировала в своих интересах массовую культуру, поэтому фронт медиков, общества и государства, выстроенный против нее, выглядел однозначно прогрессивной силой. Именно в этот момент культурная история табакокурения была редуцирована к вопросу о медицинских последствиях вдыхания табачного дыма.

Попробуем представить, как выглядел вопрос о курении в мире без сигарет. До возникновения бумажных палочек с табаком курение было в большей степени вопросом правильного ритуала. Курили в специальных комнатах. Курили мужчины, после плотного обеда, когда женщины и дети ушли из-за стола. Курили при обсуждении военных и политических вопросов, торговых сделок. Курение было делом респектабельным и определяло моду. Достаточно вспомнить классический пример смокинга, пиджака с шелковыми лацканами, на который должен был падать, не оставляя следов, пепел. Существовали разные виды табаков, рекомендованных для употребления в утренние и вечерние часы или в различное время года. Иными словами, курение было особой аристократической культурой.

Социологи и историки экономики давно заметили: то, что веком раньше считалось роскошью, доступной лишь аристократам, сегодня — скорее повседневная практика^[5]. Собственно, сегодня отказ от сигареты возможен как в пользу совершенно здорового образа жизни, так и в пользу возрождения некоторых форм культуры курения. До определенной степени это уже имеет место в мире в виде маленьких частных табачных производителей, сигарных клубов, культуры афисионадо (любителя сигар)... Жители развитых стран, у которых есть экипаж-автомобиль и собственный дом, вполне могут позволить себе заимствовать и другие привычки аристократии. А курение может выродиться в качестве закрепощающей людей повседневной привычки и вернуться к своим европейским корням, снова став культурной, эстетической и гурманской практикой.

В России все еще курят все, но это — в отличие от эпохи Петра — считается уже не признаком вестернизации, а, напротив, азиатчиной. В Европе и США курение четко ассоциируется с бедностью и отсутствием образования. Курят сезонные рабочие, мексиканцы и люмпены. Это одно из явных и положительных следствий антитабачной кампании. Массовое повсеместное курение перестало ассоциироваться с хорошей жизнью. Культура курения выступает в этом смысле скорее частным феноменом — так же как, скажем, дегустация вина. Курить уместно далеко не везде и не всегда.

Сторонников антитабачных законов можно понять, причем без отсылок к сложным социальным конструкциям. Очень неприятно, когда люди начинают курить друг на друга без спроса. Это прямое нарушение прав и свобод, либералы так не поступают. Плохо, когда в кафе нет некурящей зоны. Часто в последнее время именно антитабачное законодательство приводит к массовому скоплению нежелательных курильщиков просто на улице, когда работодатель или владелец недвижимости полностью запрещает курение на своей территории.

Решение в духе индивидуальных свобод тут напрашивается очень простое. Курильщики должны никому не мешать и сами оплачивать свое сомнительное удовольствие, но и их права в этом отношении не

должен никто ограничивать. Людей с горящими сигаретами на улицах городов быть не должно вовсе. Только специальные пространства и территории, за существование которых — будь то курительная комната в ресторане, кабинет с вытяжкой на рабочем месте или частное жилище, платит именно тот, кто курит.

Цель этого высказывания, конечно, не состоит в пропаганде курения. Более того, представителям табачной индустрии, чьи интересы обычно защищают апологеты курения как социальной практики, идея отказаться от сигарет определенно не понравится. Это приведет к резкому сужению рынка и потере львиной доли прибыли.

Задача лишь в том, чтобы предложить людям посмотреть на проблему курения и борьбы с ним с чуть менее наивной, нерефлексивной точки зрения. Нет причин считать, что медики обманывают нас и что продукты горения табачного листа не наносят никакого вреда легким и организму в целом. Минздрав совершенно справедливо предупреждает, что курение опасно для нашего здоровья. Но, к сожалению (?), взрослые люди вовсе не склонны отказываться от всех тех вещей, которые опасны для здоровья. Сам по себе этот аргумент не является достаточным. Именно поэтому он часто сопряжен с тезисом о том, что курильщик является наркоманом, не отдающим себе полного отчета в собственных действиях и нуждающимся в опеке со стороны государственных органов. Курение становится важным плацдармом для интервенции государства в частную жизнь человека.

В британском сериале «Шерлок», наделавшем немало шума в России, был примечательный момент. Когда два джентльмена — блогер Ватсон и частный детектив Холмс — находят пристанище на Бейкер-стрит, им категорически воспрещается курить в своей новой квартире табак. Так что для того чтобы раскрыть особо сложное преступление, бедняге Холмсу приходится обклеивать себя никотиновыми пластырями.

Действие сериала, напомним, происходит в современном Лондоне XXI века. Неясно, являются ли создатели «Шерлока» такими криптоанархистами, но их месседж читается ясно: в эпоху высоких технологий мы лишены личных свобод, которые еще 100 лет назад казались неотъемлемыми и естественными.

В сущности, именно поэтому вопрос о запрете курения стоит столь остро. Курильщиков справедливо раздражает не только то, что государство видит в них малых детей, которым нужны постоянные «пугающие» напоминания на табачных упаковках, унижительная и навязчивая опека. Государство идет дальше и претендует на вмешательство в их личное пространство и в их телесные привычки. Дисциплина, накладываемая сегодня на курильщиков, является одной из самых суровых в истории. Примечательно в этом смысле, что в российских колониях для заключенных курить можно, а вот в общественных местах для «свободных людей» — нет.

Общая картина нынешней антитабачной кампании вырисовывается скорее безрадостная. Действуя как бы в интересах общества и как бы в интересах защиты курильщиков от их пагубной привычки, государство передало монопольное право выносить суждение о курении табака в руки медиков. Медики могут предъявить публике легкие курильщика, но в их задачу совершенно не входит задумываться об исторических корнях вытесняемого феномена, о его социальных функциях и уж тем более о самой попытке медицинской нормализации населения со стороны государства. Компромисс о допустимых формах курения в обществе легко обнаруживается в ходе исследования возникновения этой привычки. Но ни у борцов с курением, ни у его немногочисленных защитников нет никакого языка для того, чтобы обнаружить это.

В Московском университете в конце 90-х годов прошлого века понятие «курилка» еще не утратило своего первоначального смысла. Курилки представляли из себя задымленные пространства, набитые думающими людьми. Они разговаривали друг с другом. Некурящему человеку иногда было трудно перебраться с одного этажа на другой, потому что на лестницах в гуманитарном корпусе тоже дымили отчаянно. В ретроспективе понятно, что пресловутый дух университета в немалой степени состоял из этого табачного дыма. Теперь тот университет трудно представить себе в прежнем виде несколько противозаконного сборища вольнодумцев, над которыми за кафедрой царит Мамардашвили с трубкой в зубах. Люди, скапливающиеся там, где раньше были курилки, теперь поглощены своими гаджетами. Они больше не разговаривают.

[1]

<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/1485353/Hell-is-other-people-removing-your-cigarette.html>

[2]

http://www.huffingtonpost.com/2013/09/23/barack-obama-smoke_n_3977599.html

[3]

Hurley Dan. Smarter: The News Science of Building Brain Power. 2013.

[4]

Цит. по: Proctor Robert. The Nazi War on Cancer. Princeton University Press, 1999. P. 219.

[5]

См., например: Кларк Грегори. Прощай, нищета! Краткая экономическая история мира. М., 2012.